

БОЛЬШАЯ НЕПРИЯТНОСТЬ В ТРЁХ ТОМАХ
(РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА, ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРОФ. С. А.
ВЕНГЕРОВА, ИЗД. Т-ВА «МИР», МОСКВА)

Основные свойства всех историко-литературных и критических писаний проф<ессора> Венгерова: теоретическая беспомощность, с одной стороны, и поразительная производительность – с другой. Поэтому у него нет никаких аналитических работ, какие были у таких же знаменитых, как и он, учёных – Буслаева или Веселовского, но зато он издал множество неоконченных словарей, написал немало и оригинальных критических монографий, редактировал и Пушкина, и Мольера, и Шекспира. При этом трудолюбивый преемник своих славных предшественников отличается от них такой лихорадочной жадой истины, что, не оканчивая одной работы, постоянно берется за другую, новую. Не успев доказать, что Пушкинская «летопись» должна называться не шутовским именем «Горохина», а скорбно-гражданским «Горюхина», уже спешит доказать, не менее неопровержимо, что великий провидец русского бытия, Гоголь, «совершенно не знал русской действительности» так, как хотелось бы этому честному последователю Писарева. Теперь от этого последнего доказательства проф<ессор> Венгеров решил перейти к редакции трёхтомной истории русской литературы XX века. Хотя новый век только что начался, но – что поделаешь? – Отзывчивому профессору не терпится. Пора! Не то, того гляди, наступит следующий XXI век; до этого проф<ессору> Венгерову, к сожалению, не дожить. Но кончится война – у Брокгауза начнут издавать Данте или Лермонтова, и кому же редактировать их, как не Венгерову?

Новое литературное предприятие нашего известного учёного отличается от других его работ тем, что оно самое беспомощное из всех. И понятно: человек берётся за то, что он не любит и чего не понимает.

Если можно представить себе две вещи, самые невяжущиеся друг с другом, друг другу до конца противоположные – это проф<ессор> Венгеров и художественная литература, проф<ессор> Венгеров и декадентство или символизм.

Однако Венгеров на этот раз редактирует именно историю символизма. Как быть? Судьба учёного – невесёлая: хочешь – не хочешь, «исследуй»! И вот перед нами целое издание, уже третий выпуск, а впереди – ещё, конечно, не менее десяти.

Установив с обычной научной смелостью (вспомним «Горюхино»!) совершенно новую мысль, что XX век в литературе можно начать счётом не с тривиального 1 января 1900 года, а раньше, и не с какого-нибудь декабря или ноября 1899 года, а ещё раньше, и не более, не менее, как за десять лет до того – с 1890 года (смелость изумительная!), он выдвигает два положения: одно, оправдывающее издание формально – «небольшой период (1890–1910 гг.) представляется мне цельным и законченным». Здесь профессор ещё удерживается прибавить: «к счастью», но очень скоро уже не удерживается, и это-то «к счастью» – основная тема всего издания, толкующая ко второму

положению, поставленному в виде задания: «поэтому мне кажется совершенно необходимым и на пространстве этих 20–25 лет (вникните в этот скромный знак высокой научной добросовестности!) уловить то единство историко-литературного процесса, без которого ход литературной жизни становится хаотическим нагромождением случайных явлений». Кто не согласится с этой безукоризненной истиной, устанавливаемой нашим известным учёным? Однако весёлое «к счастью» первого положения сменяется теперь унылым «к сожалению». «К сожалению» приходится по долгу службы исследовать то, что «к счастью» прошло.

Большая неприятность, в целых трёх томах! Исполняясь сознанием этого неприятнейшего долга, профессор приступает к программе и даёт перечень предстоящих томов, из которого сразу выясняется, что «открытия» о Пушкине и Гоголе – были только слабые опыты.

Том I. Переоценка всех ценностей

Бальмонт... Брюсов... Гуревич... Какой Гуревич? Вы думаете, что педагог Я. Г. Гуревич, директор гимназии и издатель «Русской школы»? Ничего подобного. Профессору ли Венгерову не знать русской действительности? Или, может быть, это – Я. Я. Гуревич, сын, преемник отца по «Русской Школе»? Ещё хуже. Конечно, нет. Речь идёт о Любви Яковлевне Гуревич, издательнице «Северного Вестника».

Остальные «переоценщики» обозначены – наряду с Мережковским, Добролюбовым, Сологубом — не менее удачно: Вересаев, Чириков и др. (Другие!.. Потапенко? Ольга Шапир? Или сам Немирович-Данченко?..)

Том II. Синтетический модернизм (?) и богоискательство

После такой всеобъемлющей терминологии научная свобода полная, букет из всех цветов: и Лохвицкая (богоискательница?), и Струве (синтетический модернист?), и Куприн («вне групп», наверное, и то, и другое вместе). Зато начинатель богоискательства – Мережковский – среди Лохвицкой и Куприна не назван. Попал в «переоценщики всех ценностей» (см. I том) – чего почётнее? и довольно.

Том III. Спад революционной волны

Кузьмин и Иванов-Разумник, Арцыбашев и Овсянко-Куликовский... Зиновьев-Ганибал и Горнфельд... Этот том должен быть особенно интересен. Заранее и не поймёшь, в чём дело? А где же всё-таки Александр Блок? Не относится ли он к XXI веку?

Непосредственно следующее за программой самое исследование обнаруживает уже беспомощность, не прикрытую никакими общими заголовками.

Легко было сказать – «к счастью» прошло, а вот попробуйте-ка «к сожалению» установить «единство», да ещё «органическое»! «Кажется, и легко на вид, а рассмотришь – просто чёрт возьми!», – как отозвался Хлестаков о неспособных управлять департаментом.

«**Новые** течения!» – восклицает профессор на второй странице своего издания, напечатав первое из двух слов **ироническим курсивом**. А вот вы объясните, что это такое, если и Бальмонт – «новый», и Горький – «новый», а сходства между ними, кажется, никакого. Или, как объяснить, что Минский сначала был «**меонист**», а потом стал социал-демократом? Мережковский сначала – эстет, а потом – общественник? Брюсов – декадент, а писал частушки? «А там идёт ряд всяких разновидностей русского “модернизма”, которые ни в какую схему не укладываются». «Каково положение, я вас спрашиваю?» – воскликнул бы Хлестаков... Один стоит «как будто в стороне» (Ремизов!), другой при своём «эллинизме» тяготеет к «славянизмам» (Вяч. Иванов). А тут ещё «как-то случилось»... что «**мутной волной**» разлилась «пакостная порнография»... Ничего не разберёшь. Решительно – «чёрт возьми»! Как же быть?

Но пусть читатель не очень пугается и не очень жалеет знаменитого учёного, попавшего в такое безвыходное положение. Положение оказывается не таким безвыходным. Во-первых, сам профессор пишет только вступительные статьи, остальное – сотрудники, самые разнообразные, – нередко ещё более беспомощные, чем редактор, но совершенно не считающиеся ни с его программой, ни с тезисами, ни со всеми его затруднениями. Пишут, что Бог на душу положит, и самое интересное в издании – это, конечно, автобиографии самих презираемых профессором «модернистов». Во-вторых, свою линию профессор Венгеров всё-таки ведёт и, когда кто-нибудь из сотрудников выразится слишком сочувственно о ком-нибудь из «новых», он во вступительных статьях наперёд опровергнет доброжелательный взгляд сотрудника. В-третьих, наконец, проф<ессор> Венгеров, хотя и после нечеловеческих усилий, нашёл-таки «органическое единство» для «всяких разновидностей русского модернизма». Оно представляется давно осточертевшим и ничего не объясняющим словом «неоромантизм». К чести проф<ессора> Венгерова надо сказать, что на этот раз это – не его собственное открытие, а – как он сам сообщает – заимствовано им из школьного обихода одного университетского семинария по немецкой литературе.

По-русски этот уже устарелый «изм» передаётся профессором в трёх словах: «взлётом от грязи к небу». Подумайте, как хорошо! и спрашивается, если это так, если «новые течения» не только текут, но прямо «летят» от грязи к небу, чего же почтенному учёному и наставнику юношества ещё нужно? И наука не в убытке, и мораль спасена!

Примилив с такой научной тонкостью и З. А. Венгерову с Кузьминым, и Волынского с Л. Я. Гуревич, и Булгакова с Арцыбашевым и пр., и пр., и пр., профессору надо было бы самому попытаться «переоценить ценности». Ведь все декаденты и символисты после «неоромантизма» – оказывается –

порядочные люди. Первые выпуски переиздавать уже, само собой, не приходится, но можно в следующих, по крайней мере, отказаться от руководящих предисловий к статьям сотрудников.

А. Сумароков.